

И. Г. ДОБРДОМОВ

ОТРАЖЕНИЕ ДВУХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ РОТАЦИЗМА В БУЛГАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Среди соответствий чувашскому *p* в прочих тюркских языках, кроме простых случаев тождественных соответствий ($p \sim p$), наблюдаются два типа соответствий нетождественных. Одно, наиболее древнее и особенно часто обсуждаемое, соответствие согласного *з* (с его модификациями) большинства тюркских языков чувашскому *p* (соответствие $з \sim p$) имеет ротацистическое соответствие также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, поэтому его можно назвать «алтайско-булгарским ротацизмом». Другое, более многообразное и не менее часто обсуждаемое, соответствие *й, з, т, д \sim p* может быть условно названо «булгарско-чувашским ротацизмом», ибо этот «ротацизм» представлен только в чувашском языке, а также частично в исчезнувших родственных ему булгарских диалектах, т. е. ограничивается фактически лишь тюркскими языками. Это явление — хронологически более позднее, и его отражение (в булгарской части) более многообразно: заимствованные слова отразили «булгарско-чувашский ротацизм» в процессе его становления на разных стадиях развития.

Эти два совершенно различных хронологически и географически ротацизма иногда не различаются¹. Объединяя эти два ротацизма по общности их представления в современном чувашском языке и приписывая им одну общую ступень развития ($з > p$), Б. А. Серебренников, однако, строго разграничивает их на ранних ступенях и объединяет лишь на заключительном этапе, отмечая одновременно случаи ошибочного неразграничения этих явлений у других лингвистов².

Не все лингвисты придерживаются одного взгляда на возникновение соответствия $з \sim p$. Одни считают первичным зетацизм, а ротацизм вторичным ($з > p$, такую точку зрения разделяет, например, Б. А. Серебренников, специально высказывавшийся в ее защиту). Однако наиболее распространена другая точка зрения, согласно которой первичным признается ротацизм (палатализованный $p' > з$), а зетацизм — соответственно инновацией небулгарских групп тюркских языков. Впервые сформулированная Г. И. Рамstedтом, эта гипотеза вызвала большое количество откликов как в ее поддержку³, так и против нее, но вопросы хронологизации этого процесса рассматривались сравнительно редко. В частности, И. Маркварт сделал попытку установить хронологию ротацизма, не вдаваясь в решение вопроса о первичности *з* или *p*. По его мнению, письменные памятники позволяют отметить ротацизм уже в VI в. н. э.⁴

¹ См., например: А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970, стр. 85, примеч. 234; М. Р. Федотов, Чуваш чёлхин историйё, I. Сасасем, Шупашкар, 1971, стр. 82—94.

² Б. А. Серебренников, О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, ВЯ, 1960, 4, стр. 65.

³ Одна из последних работ по этому вопросу: Т. Текин, Zetacism and sigmatism in Proto-Turkic, «Acta orient. Hung.», XXII, 1, 1969.

⁴ J. Markwart, Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten. IV — Chronologische Data für den bulgarisch-türkischen «Rhotazismus», «Ungarische Jahrbücher», IX, 1, 1929.

Исходя из того, что тюркский зетацизм предшествовал болгарскому ротацизму ($з > р$), И. Бенцинг на основе материалов Махмуда Кашгарского относил развитие чувашского ротацизма ко времени после XI в., а болгаризмы венгерского языка с ротацизмом считал относительно новым приобретением (уже на современной территории) из языка поглощенных венграми болгаров⁵).

Н. Н. Поппе, придерживаясь диаметрально противоположного мнения о сравнительно позднем развитии тюркского зетацизма из прототюркского ротацизма ($р > з$), считает, что старые тюркизмы венгерского языка с отражением ротацизма восходят к тому периоду истории тюркских языков, когда не было противопоставления тюркских языков по ротацизму (болгарская группа) и зетацизму (прочие тюркские языки), т. е. к прототюркскому языку, включавшему как болгарскую группу, так и предков прочих тюркских языков. Тем самым фактически снимается вопрос о хронологии ротацизма и ставится вопрос о хронологии зетацизма в тюркских языках Восточной Европы⁶.

Обычно исследователи при рассмотрении проблемы ротацизма опирались на материалы тюркских языков (как современных, так и представленных в письменных памятниках) и в гораздо меньшей степени на тюркские заимствования в финно-угорских языках (прежде всего, в венгерском), славянский же материал обычно не использовался из-за неразработанности вопроса о древних славянских болгаризмах и шире — тюркизмах. В предлагаемой статье предпринимается попытка проанализировать болгаризмы восточнославянских языков с точки зрения значения этих болгаризмов для решения вопроса о хронологии ротацизма. При этом следует учитывать, что славянские языки сами могут быть объектом своеобразной типологической классификации с точки зрения наличия процессов, так или иначе связанных с ротацизмом, или их отсутствия: 1) южнославянские со спорадическим переходом $ж > р$ (например, серб.-хорв. *јер* «ибо» < *јеже*); 2) западнославянские с регулярным для чешского, польского и некоторых диалектных группировок обратным переходом палатализованного $р' > \overline{рж}/ж$ ⁷; 3) восточнославянские с отсутствием явлений, родственных ротацизму (если не считать диалектных *сварьба*, *усарьба*, соотв. *свадьба*, *усадьба*), что небезынтересно в плане прежде всего восточнославянско-болгарских связей и может составить тему особого разыскания.

1. «Алтайско-болгарский ротацизм» в тюркизмах славянских языков. Наиболее яркой чертой, противопоставляющей болгарско-чувашский языковой регион прочим тюркским языкам, считается чувашский ротацизм⁸, соотносительный с зетацизмом прочих тюркских языков: тюркскому звуку $з$ в чувашском языке соответствует $р$. Например: татар. *кыз* «девушка, девушка, девица; дочь, дочка; невеста» — чуваш. *хёр* «дочь, девушка, девушка, девица».

По этому признаку отмеченное в словаре В. И. Даля казанское диалектное *хирка* «чувашская девка, девчонка» (с указанием на чувашское проис-

⁵ J. Benzing, Die angeblichen bolgartürkischen Lehnwörter im Ungarischen, ZDMG, 98 (N. F. 23), 1, 1944.

⁶ N. Poppe, On some Altaic loanwords in Hungarian, «American studies in Uralic linguistics», Bloomington, 1960, стр. 139—157. Возражения см.: L. Ligeti, A propos des éléments «altaïques» de la langue hongroise, «Acta ling. Hung.», XI, 1—2, 1961; а также: Г. Е. Корнилов, К вопросу об источниках алтайских заимствований в венгерском языке, «Советское финноугроведение», 1972, 1.

⁷ Ср.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I, Helsinki, 1957 (= MSFOu, 104, 1), стр. 105.

⁸ Проблема алтайско-болгарского ротацизма породила большую литературу, обзор которой см.: А. М. Щербак, указ. соч., стр. 84—85.

хождение) противостоит столь же экзотическому среднеазиатскому *кыз* (также употребляется как обращение *кызык* и в русифицированном облике *кызымка* от притяжательной формы *кызым* «моя дочь, девочка») ⁹. Любопытно одинаковое русское суффиксальное оформление чувашизма *хирка* и среднеазиатского тюркизма *кызымка*.

Вероятно, через венгерское посредство проник в украинский язык корень *тарк-*, входящий в состав целого ряда названий мастей: *таркáč* «конь белый с черными или рыжими пятнами», *таркó* «кличка пестрой собаки», *таркá(н)с* *тий* «пестрый» [последнее слово легло в основу молд. *тэркат* и рум. *tărcat* «пегий, пятнистый, полосатый», давших обратное заимствование в украинском языке, *теркá(н)с* *тий* с тем же значением, что и украинский первоисточник]. Сюда же примыкает укр. *таран* «копина, след оспы». Венгерская первооснова этих слов (ст.-венг. *tar* и нововенг. *tarka* с уменьшительным суффиксом *-ka*) восходит к несохранившемуся в чувашском языке прилагательному **тар*, которому в древнетюркском языке соответствует *таз* «парша, плешь; паршивый, шелудивый», ср. алт. *мас* «лысына; лысый, голый» ¹⁰.

Как отражение тюркских ротацистических форм должны рассматриваться русские диалектные слова: *сýрна* «рыболовная снасть, похожая на корзину» (арханг., енисейск.) и *сýрна*, *сýрба* «приспособление для процеживания браги» (олонецк.), *сýрьна* «ловушка на рыбу» (арханг.). М. Фасмер нерешительно объединяет их друг с другом и сравнивает с русским пермским диалектизмом *сырп* «рыболовная сеть в виде мешка», выводимым из манс. *sirp* «вид рыболовной сети», хотя и объявляет первую группу слов неясной ¹¹. Все эти формы хорошо объясняются вместе с астраханским *сюзэ́* «мешок для ловли рыбы», донским *сюзья́* «кушанье из процеженного молока» (которым М. Фасмер дает неточные этимологии), как дериваты тюркского глагола *сýз-* (чуваш. *сёр-* «цедить, фильтровать; ловить рыбу бреднем» с ротацизмом, откуда венг. *szűr-* «цедить, фильтровать») с помощью различных суффиксов и с разным направлением развития семантики (орудие и результат действия).

Уже неоднократно обращалось внимание на восточноевропейское название сазана, карпа *шаран*, представленное в русском, украинском, болгарском, македонском, сербскохорватском языках, в чешских ганацких диалектах, в старочешском, польском, а также в румынском языках и входящее к болгарскому соответствию тюркского *сазан*, которое вытеснило в современном чувашском языке исконную форму, сохранившуюся лишь в частиславянских языках и в румынском. Достоверность болгарского происхождения этого слова подтверждается наличием другой болгарской фонетической черты: - в соответствии с начальным *с-* перед долгим гласным *-а-* в других тюркских языках.

⁹ См.: З. С. Шеломенцева, Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии, Фрунзе, 1971, стр. 77—79.

¹⁰ И. Г. Добродомов, К этимологии украинского *таркач* и т. п., «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», 341, 1969, стр. 89—91; J. N é m e t h, Eine Benennung für scheckige Tiere bei Türken und Ungarn, «Acta ling. Hung.», XV, 1—2, 1965, стр. 79—84.

¹¹ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, III, М., 1971, стр. 808, 820; см. также: М. R ä s ä n e n, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, Helsinki, 1969 (далее — Räsänen, EW), стр. 438—439; ср.: А. К. Матвеев, Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири, «Вопросы финно-угорского языкознания», М.—Л., 1962, стр. 136; А. И. Попов, Из истории славяно-финноугорских лексических отношений, «Acta ling. Hung.», V, 1—2, 1955, стр. 7—8. В пользу финно-угорской этимологии говорит география слов *сyrна*, *сyрьна* и ударение, но привлекаемое сюда в качестве источника фин. *suurja*, *surja* «мешкообразный невод» фонетически далеко от русских слов.

Чрезвычайно сложным представляется вопрос о происхождении и миграциях восточнославянского слова *брага*, которое проникло в отдельные соседние славянские языки (польск. *braha*), а также за их пределы (венг. диалектн. *bráha*, *braha*, *brága*, рум. *braga*, молд. *braha*). Праформа этого слова **бърага* (с морфологически возникшим на славянской уже почве -а) отражает болгарское диминутивное образование (в современном чувашском языке не сохранившееся) от болгарского соответствия тюркскому названию разного рода напитков *боза* ~ булг. **бура*. Следы этого же болгарского слова есть в финно-угорских языках Поволжья. Уже из мордовского языка вторично в русский язык пришло то же самое болгарское слово в виде нижегородского *пурé* (нескл.) «мордовский вареный мед». К неболгарскому источнику восходит также русское наименование преимущественно чуждых, экзотических напитков разных народов *буза*, которое имеет широкое распространение в различных языках. Истории всех этих слов посвящена обширная литература, обзор которой можно найти под соответствующими словами в этимологических словарях, а попытка синтетического обзора сделана Г. Дёрфером¹², что позволяет отослать к нему и сосредоточить внимание на хронологии заимствования, датируя последнее общевосточнославянской эпохой, ибо в слове возник и исчез впоследствии так называемый редуцированный гласный -ъ- < у (кратк.) < общетюрк. о (восстанавливается на основе показаний большинства тюркских языков). Следовательно, болгарский переход о > у имел место до XI в., когда древнерусский язык уже испытывал исчезновение гласных ъ, ь. До XI в. имело место заимствование. В осетинском малоупотребительном наименовании браги, напитка из проса *byræġ* хорошо сохранен консонантизм болгарского первоисточника при некоторой эволюции вокализма. Морфология и фонетика восточнославянского *брага* своим развитием напоминают аналогичное развитие общеславянского болгаризма *къниг(a)* > > *книга*¹³.

Общеславянское распространение имеет болгаризм **хърѣнь*, удачно протимологизированный М. Рясняном: русск. *хрен*, укр. *хрін* (род. *хріну*) и гиперистично *хрон*, *хрѣну*, белорусск. *хрэн*, болг. *хрян*, серб.-хорв. *хрен*, словен. *hren*, чеш. *křen*, ст.-чеш. *chřen*, словац. *chren*, польск. *chrzan*, *krzan* он выводил из болгарского источника (ср. чуваш. *хёрен* «хрен», дословно «жгучий», причастие от глагола *хёр* «накаляться») в соответствии с древнетюркским *кыз* «краснеть, пламенеть, багроветь»¹⁴. Уже через славянское посредство слово распространилось по языкам Европы: литов. *kriėnà* (ж. р.) и *kriėnas* (м.р.), нем. *Kren* (наряду с *Meerrettich*), итал. *crepno*, франц. *cran*, новогреч. *χράνος* (при *хера́и* у Теофраста). Луговое марийское *крен* заимствовано из русского языка, а горное *йрән* восходит к чувашской форме, подобно татарскому и башкирскому *керән*, которые, правда, иногда ошибочно возводятся к русскому *хрен*¹⁵.

Несколько неожиданным представляется болгарское происхождение половецкого имени *Шаруканъ* (*Шароканъ*, *Шараканъ*) и производного от него названия кочевнического города *Шаруканъ* в соответствии с кыпчакским апеллятивом *саз(a)ган* «змея, дракон». Болгарский апеллятив представлен в венгерском *sárkány* «змея, дракон». Отзвуки этого половецкого имени сохранились в виде кальки в названии города Харьковской обла-

¹² G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, II, Wiesbaden, 1965 (далее — Doerfer), стр. 337—341.

¹³ И. Г. Добродомов, Книга, «Русская речь», 1971, 5.

¹⁴ M. Räsänen, Slav. хрѣнь «Meerrettich», «Festschrift für W. Eilers», Wiesbaden, 1967, стр. 558.

¹⁵ Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, II, СПб., 1871, стр. 120.

сти *Змиев*, расположенного в районе знаменитых Шаруканских походов, а также в собственном личном имени (отчестве) былинного *Змея Тугарина* (*Тугарина Змиевича*). Правда, в имени былинного персонажа отразилась, вероятно, также память о современнике знаменитого Шарукана — другом половецком князе Тугоркане. Булгарские элементы в половецком словаре и ономастике связаны, безусловно, со следами болгарского субстрата в тюркских языках южнорусских степей. Булгарские истоки личного имени *Шаруканъ* подтверждаются не только ротацизмом, но и соответствием с — ш между прочими тюркскими языками и болгарско-чувакским. Уже из венгерского языка заимствованы чешские и словацкие названия дракона *šarkan*, *šarkan*, *žarkan*, украинское *шаркан*, *харкан* «змей, дракон», а также семантически изменившееся *шаркан* «сильный ветер, буря»¹⁶.

Как установил М. Ряснен, к болгарскому источнику восходят др.-русс. *ковъръ*, русск. *ковёр* (*ковра́*), укр. *ковёр* (род. *ковра́*), *кобёр* (род. *кобра́*), польск. *kobierzec*, словацк., чеш. *koberec*. Все эти славянские слова отражают дальнейшее развитие форм **ковъръ*, **кобъръ*, восходящих к болгарскому ротацистическому соответствию **кавир* тюркского названия ковра типа древнетюркского *кевиэ*¹⁷. Колебания фонемного состава слова на славянской почве (б — в) обнаруживают заимствованный характер слова и не дают оснований для этимологизации этого бродячего слова на почве славянских языков.

К числу слов с алтайско-булгарским ротацизмом принадлежит русско-белорусский диалектизм *юра́га* «пахтанье; осадок при топлении сливочного масла», убедительно проэтимологизированный на болгарской почве О. Н. Трубачевым. Прототип этого слова, а также венг. устар. *író* «сыворотка» и марийск. *йыра́* «пахтанье» обнаруживается во втором компоненте чувашского названия молозива *ёне ырри*, имеющем соответствии типа татар. *уыз*, др.-тюрк. *агуз* «молозиво» не только в тюркских языках, но и на монгольской почве (**uugag*)¹⁸. Необычное для тюркизов ударение в этом слове объясняется наращением окончания -а, которое ударения не получило (ср. также *бра́га*, *кни́га*, *верё́га*),

К болгарскому ротацистическому источнику возводится русское *овраг* (из более раннего *врагъ*), соотнесенное уже Н. И. Ашмаринным с чуваш. *вара́к* «дупло дерева; промоина, овражек; продольное углубление»¹⁹, а последнее является точным фонетическим соответствием тюркскому диминутиву от *о́з* [= чуваш. *вар* в составе *тип вар* «ковраг (безводный), дол, суходол, лог, сухое русло ручья»], подобному казах. *өзек* «речка, иногда выходящая; долина». Правда, ввиду исходной для русского языка формы **вьрагъ*²⁰ < **viragъ*, ее следует возводить не к современному чувашско-

¹⁶ Н. И. Зайцева, По поводу некоторых тюркизов в чешской и словацкой мифологической лексике, «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. Тезисы докладов Второго симпозиума (25—27 ноября 1969 г.)», Минск, 1969, стр. 26; И. Панькевич, Закарпатський діалектний варіант української літературної мови XVII—XVIII вв., «Slavia», XXVII, 2, 1958, стр. 179.

¹⁷ M. R ä s ä n e n, Der Wolga-bolgarische Einfluß im Westen im Lichte der Wortgeschichte, «Finnisch-ugrische Forschungen», XXIX, 1946, стр. 196; более строго: М. Ряснен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 114 (отделены названия войлока, кошмы). Огласовку древнетюркского *kiviz*, *kiviz* в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969, стр. 311; далее — ДТС) целесообразно исправить на *кевиэ*, учитывая алт. *кебис*, тув. *хевис*, хакас. *кибис*, ногайск. *куйиз* (ср. *ев* ~ *йй* «дом»).

¹⁸ О. Н. Трубачев, Об этимологическом словаре русского языка, ВЯ, 1960, 3, стр. 66.

¹⁹ Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, V, Чебоксары, 1930 (далее — Ашмарин), стр. 174.

²⁰ Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк, Л., 1972, стр. 534—535.

му *вараж* или его прототипу, а к другому болгарскому диалекту, где соответствующее слово было представлено в форме **вираж* с вокализмом, как в современном казанско-татарском. Зато к чуваш. *вараж* оказываются чрезвычайно близкими почти общеповолжское русск. диалектн. *вараж* «овраг», также *вараг* и испытавшее контаминационное взаимодействие с *байрак*, *буерак* тоже поволжское *бараж* „овраг“. Из-за того, что русская форма *овраг* сравнительно моложе формы *вараг*, из которой она и возникла в результате переразложения предложно-падежных форм типа **въвърагъ* > *во вараг* > *в овраг* (ср. аналогичное развитие у диалектной формы *отворник* ²¹), отпадает недавно предложенная М. Рясняном этимология для русск. *овраг* в связи с др.-тюрк. *ограг*, *огруг*, *овруг* «изгиб, пережат, седловина» (ДТС, 363, 364, 374) и турецк. *убрук* «глубокая долина, низменная земля, низменность» (последнее сравнение сделано еще В. В. Радловым) (Räsänen, EW, стр. 358).

Возможно, былую роль болгарской торговли в Восточной Европе отражает специфический торговый термин, известный особенно в западнорусской (прежде всего на белорусской территории), а также в русской и польской письменностях в формах *тах(ъ)ръ*, *тахеръ*, *тахиръ*, *tacher*, *тахель*, *тахиль* и употреблявшийся в качестве счетной торговой единицы для ножей, топоров и белок. Фонетически этот термин полностью совпадает с наименованием довольно престижного у тюрков числа «девять» с болгарским ротацизмом: чуваш. *тăххӑр*, *тăхӑр* при тюрк. *тоғыз*. Правда, принятие этой этимологии мешает отсутствие сведений относительно употребления девятки в качестве счетной единицы у тюрков.

По разысканиям Э. Боева, болг. диалектн. *самсур* «нелюбезный, непристойный», где тюрк. *сан* «счет, число, честь, достоинство» в болгарской форме *сам* сочетается с привативным суффиксом *-сур* (ср. татар. *-сыз*), представляет собой своеобразный болгаризм болгарского языка с явным болгарским ротацизмом ²².

Русский астраханский, саратовский и донской диалектизм *бирюк*, *бирючок* «бычок на втором году» скорее всего связан с калмыц. *бирб* «двухлетний теленок», а не с чуваш. *пӑру* «теленок (вообще)», соотносительным с кыпчакской формой *бузау* (откуда в русских говорах *бузавик*, *бузавок*, *бузьвик*, *бузевик* и т. п.). Ср. также венг. *borjú* «теленок», марийск. *презе* «теленок».

Отражение ротацизма есть в русском сибирском *кёрна* «черногруд, крупный хорь Южной Сибири, с кошку, зовут его и дикой кошкой» (Даль, II, 223), сопоставимом с тюркским названием хорька *кӱзӑн* (Räsänen, EW, стр. 312), ротацестирующий вариант которого отражен в венг. *gőrény* «хорь, хорек, вонючка». Но особенности огласовки сибирского русского диалектизма заставляют видеть в нем скорее монголизм. Фонетически ближе всего к сибирскому *кёрна* стоит калмыцк. *kurnae* «*mustela putoris*» (из материалов П. С. Палласа) ²³.

Славянские болгаризмы с проявлением алтайско-болгарского ротацизма, несмотря на их сравнительную малочисленность, позволяют выявить одну характерную фонетическую черту ранних болгаризмов, которая не могла быть обнаружена на финно-угорском материале. Речь идет об отсутствии даже следов палатализации в славянских отражениях болгарского *р*, соответствующего тюркскому *з*. Согласный *з*, по Г. И. Рамstedту, получал-

²¹ В. А. Богородицкий, Очерки по языковедению и русскому языку, 4-е изд., М., 1939, стр. 154—156.

²² Е. Боев, За предтурского тюркско влияние в българския език — още няколко прабългарски думи, БЕ, XV, 1, 1965, стр. 15.

²³ См.: Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache, MSFOu, 30, Helsinki, 1912, стр. 73.

ся из палатализованного p' . В славянских языках палатализованный p' характеризуется большой древностью: этот звук возник в праславянский период довольно рано и был свойствен ранней стадии развития всех отдельных славянских языков, когда, вероятно, имели место болгарские заимствования, обычно присущие далеко не всем славянским языкам. Следовательно, в момент заимствования болгаризмов славянами болгарский язык имел уже отвердевший согласный p , подобный соответствующему звуку современного чувашского языка, а это позволяет говорить, что уже тогда болгарский язык противопоставлялся прочим тюркским языкам, даже если принять предположение Н. Н. Поппе о позднем развитии зетацизма.

2. «Булгарско-чувашский ротацизм» и его стадии в тюркизмах славянских языков. В соответствии $\dot{y}$, z , $\dot{z}$, t , $\partial \sim p$ возникновение булгарско-чувашского p из исходного ∂ проходило через ступень спирантов $\dot{z} > z$, причем эта промежуточная фрикативная ступень проявляется в некоторых болгаризмах венгерского языка, где в отдельных случаях также отражено и более древнее исходное состояние $-\partial-$. То же самое касается и болгаризмов в славянских языках.

Проблема «булгарско-чувашского» ротацизма в связи с историей интервокального $-\partial-$, изменявшегося в $-\dot{z}- > -z- > -p-$, привлекала внимание преимущественно исследователей болгаризмов венгерского языка по части этимологизации в нем булгарского наследия. М. К.-Палло в специально посвященной этому сложному вопросу статье²⁴ не касается славянского материала, хотя он может дать некоторые сведения относительно булгарской фонетики после прекращения венгерско-булгарских контактов в конце IX в.

Пытаясь установить абсолютную хронологию булгарско-чувашского ротацизма ($\partial > p$), И. Маркварт решал вопрос не столько на основании древних заимствований из булгарского источника в русский язык (*трунове*, *Сурожь* — см. об этом ниже), сколько на показаниях составленной в 1313 г. в Египте арабско-тюркской грамматики Абу Хайяна Мухаммада ибн Йусуф ал-Андалуси ал-Гарнати; материал же этой грамматики указывает на произношение в булгарских словах $-\dot{z}$ в соответствии с тюркским $-\dot{y}$ (хотя источники сведений Абу Хайяна о булгарском языке неизвестны). На этом основании И. Маркварт относит появление булгарско-чувашского ротацизма к XIV в., а появление ступени z — ко времени Махмуда Кашгарского (XI в.). В русских же отражениях *трунове*, *Сурожь* И. Маркварт предполагал маловероятную субституцию согласного $-\dot{z}$ (отсутствующего в передаче русских) привычным $-p-$ ²⁵, что не встретило поддержки у последующих исследователей.

Еще более категорично за позднее развитие чувашского ротацизма из зетацизма высказался И. Бенцинг, объединявший развитие соответствий $p \sim z$ и $p \sim \partial$, $\dot{y}$, t , z , $\dot{z}$, но данные Махмуда Кашгарского о булгарском языке, на которые опирался И. Бенцинг, были признаны недостоверными²⁶.

Г. Дёрфер дает следующую хронологизацию этого процесса: в VIII в. еще был $-\partial-$, к X в. — звук, близкий к z (через ступень $\dot{z}$), далее $pz(p\dot{z})$ в XIII в. и в XIV в. уже p ; для сочетания $-\partial\partial-$ он устанавливает упрощенную схему:

²⁴ М. К.-Palló, Die mittlere Stufe des tschuwaschischen Lautwandels $d > \delta > > r$, UAJb, 43, 1971; см.: e e ж e, Hungaro-Tschuwaschica. 2. Zur Chronologie des tschuwaschischen Lautwandels: $d > r$, UAJb, XXXI, 1959.

²⁵ J. Markwart, Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten II. Das Alter des bulgarischen Wandels des alttürkischen $d > r$, «Ungarische Jahrbücher», IX, 1, 1929.

²⁶ См.: O. Pritsak, Kašgaris Angaben über die Sprache der Bolgaren, ZDMG, 109 (N. F. 34), 1, 1959.

-ад- > (XIII в.) з > (XIV в.) р²⁷, что не вполне согласуется со славянским материалом.

По фонетической черте (-д-, не изменившемуся в -з- > -з- > -р-) следует признать наиболее древним заимствованным болгаризмом русск. диалектн. *кодман* рязанск., тульск. «суконный, особ. синий, женский пун», рязанск. «женская накидка из понитка, как широчайшая рубаша, но без проема для головы, мешок с рукавами; накидывается как есть вдвое, на спину, в ненастье на голову, а рукава спускаются по плечам вперед» (Даль II, 130). Вместе с венг. *ködmön* «полубубок» русск. *кодман*, известное уже с XII в., возводится к болгарскому **kādmān* > **кадман*. Передний вокализм венг. *ködmön* (народноэтимологическое сближение с *köd* «туман, мгла») по сравнению с русским задним вокализмом в *кодман* отражает более старое состояние. Встречающееся в древнерусском языке написание *кѣдманъ* с -ѣ- следует рассматривать как гиперизм. Серб.-хорв. *кедмен*, приведенное К. Менгесом по Э. Бернекеру, восходит к венг. *ködmön*²⁸. Впрочем следует также учитывать предполагаемую К. Менгесом возможность субституции славянским и венгерским -д- тюркского -з-, отражающего уже следующую ступень эволюции в сторону з > р. Не связано ли наличие д в этом слове с положением звука перед согласным, где он сохранялся (в отличие от интервокальной позиции)?

На первый взгляд кажется, что аналогичное происхождение имеет -д- в русском слове *курдюк* «жировое отложение в задней части туловища, у хвоста, у некоторых пород овец», сопоставляемом с тюркским названием хвоста типа др.-тюрк. *қудруқ*, *қуғруқ* «хвост; задняя часть, зад», хакас. *хузурух*, кирг. *куйрук*, якут. *кутурук* (примеры отражают все этапы развития соответствия д — з — т — й ~ р.). Но метатеза сочетания др → → рд не объясняет, почему произошло смягчение согласного д > д'. В связи с этим можно выдвинуть предположение о развитии сочетания рд из геминаты рр (или скорее р'р'), которая могла возникнуть на болгарской почве в результате изменения д в р (или, что менее вероятно, в результате ассимиляции й последующему р), причем диссимиляция имела место уже на русской почве. Чувашский язык также утратил здесь геминату, но лишь путем ее упрощения: рефлексy этого тюркского слова в чувашском языке [хйре «хвост, конец», диалектн. хёвре = хйре — Ашмарин, XVII (1950), 14; хивре «хвост» — Ашмарин, XVI (1941), 119] красноречиво об этом свидетельствуют²⁹.

Одно из древнейших датированных отражений болгарско-чувашского ротацизма (р < д) содержится под 1230 г. в Троицкой летописи. Это болгарский титул **турун*, зафиксированный Троицкой летописью в форме мн. числа *трунове* (с русским окончанием -ове). В русском языке это слово, судя по его фонетике, было известно задолго до этого, еще в период наличия в нем редуцированных: *трунове* < **търун(ове)* < булг. **турун*. Слово имеет довольно значительную литературу. Н. И. Ашмарин увязал этот титул с чувашской топонимикой, а в разборе взглядов ученого Б. Мункачи нашел этому титулу тюркское соответствие [др.-тюрк. *тудун*, *тузун* «распорядитель; тот, кто распределяет в селении воду в арыках»; ср. также *тутун* «тутунг, название должности (правитель области) и титул (компонент имен собственных)», последнее из кит. *дунун*, *to-thon* — ДТС,

²⁷ G. Doerfler, II, стр. 523. Несколько иную датировку см. там же, т. III (1967), стр. 208: д или з (VIII—IX вв.) > з (X—XI вв.) > р или рз (XIII в.).

²⁸ K. H. Menges, Schwierige slavisch-orientalische Lehnbeziehungen, UAJb, XXXI, 1959, стр. 182—183.

²⁹ О ностратических соответствиях и морфологическом строении тюркского *куд(у)-гук* см.: В. М. Иллич-Свитыч, Опыт сравнения ностратических языков, М., 1971, стр. 327—328.

584, 593]. Независимо от Б. Мункачи, а также друг от друга аналогичную работу проделали А. А. Шахматов и А. Н. Самойлович³⁰.

Вторая ступень развития болгарско-чувашского ротацизма представлена в этимологически изолированном слове — топониме *Азов*, которое возводится к тюрк. *адақ*, *азақ*, *айақ* «нога» и «устье реки». Из формы *азақ*, «устье реки», с параллельным вариантом *азаг*, произошла ранняя болгарская форма *азау*, перешедшая в русск. *Азов*³¹. Следует заметить, что закрепление названия *Азақ* и превращение его в *Азау* связано со сменой тюркских языков — болгарского кыпчакским.

Одним из старых показателей наличия болгарско-чувашского ротацизма можно считать общеславянское (хотя с некоторыми фонетическими расхождениями в оформлении исхода слова) название дрофы (русс. *драхва́*, *драфа́*, *дрохва́*, *дрофа́* и т. п., укр. *дрѡхва*, *дрѡфа*, белорусск. *драфа́*, болг. *дрѡпла*, серб.-хорв. *дрѡпла*, словен. *drǒplja*, чеш. *drop*, ст.-чеш. *drofa*, *dropfa*; словацк. *drop*, польск. *drop*, ст.-польск. *drop*, *dropia* и т. п.), болгарская этимология которого была установлена М. Рясняном³². На основе общетюркской формы *тогдақ* М. Ряснян восстановил для чувашского языка форму **тѡрах* (у М. Фасмера — I, 542 русск. издания; I, 372 немецкого — ошибочно дана как реальная — без астериска), более старая форма которой **tŭrax^w* с кратким *y* и лабиализованным *x* легла в основу славянских форм — в них гласный начального слова превратился в *ъ* с последующим его исчезновением. Падение так называемых редуцированных гласных *ъ*, *ь* началось в славянских языках после IX в. на южной территории и далее распространилось на север³³. Следовательно, название дрофы было заимствовано славянами до начала этого процесса, т. е. до X в. Отсюда новое уточнение в датировке болгарско-чувашского ротацизма IX веком. Любопытно, что более ранний болгаризм венгерского языка *tűzok* «дрофа» с *z* еще сохраняет долготу гласного в начальном слоге, сокращившуюся к моменту заимствования слова славянами.

Вероятно, восходит к иному болгарскому диалекту древнерусская ротацистическая форма названия крымского города Судака — *Сурождь* < <булг. **Сурог* + славянский притяжательный суффикс **-ѣ* в соответствии со старым *Суедақ*³⁴. В болгарском диалекте — источнике древнерусского *Сурождь* — не было сокращения долготы в первом слоге, который в силу своей долготы перетянул на себя ударение на русской почве. О более раннем вхождении этого слова в язык восточных славян по сравнению со словом *дѣрофа* говорить пока не приходится, ибо топоним, кажется, известен только древнерусскому языку.

В работах, где затрагивается вопрос о «болгарско-чувашском ротациз-

³⁰ Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваша, Казань, 1902, стр. 17, 66; В. Мункаси, A volgai bolgárokról, «Ethnographia», XIV, 1903, стр. 66—76, 147—152, 261—265, особенно стр. 72—73. См.: А. А. Шахматов, Заметка об языке волжских болгар, «Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук», V, 1, 1918; А. Н. Самойлович, Турун — тудун (Еще пример турко-болгарского ротацизма), там же. Ср. также: Doerfer, III, стр. 207—210. Н. Н. Поппе в рецензии на кн.: D. M. Dunlop, The history of the Jewish Khazars (Princeton, 1954), противопоставляя булг. **турун* и хазар. *тудун*, говорит об отличии хазарского языка от болгарского («Central Asiatic journal», I, 2, 1955, стр. 157).

³¹ См.: Hadzy Mehmed Senai z Knymu, Historia Chana Islam Gereja III, wydał Z. Abrahamowicz, Warszawa, 1971, стр. 164. Ср.: Н. К. Дмитриев, Соответствие *p || θ || t || s || z || ѣ*, «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. I — Фонетика, М., 1955, стр. 328.

³² M. Räsänen, Der Wolga-bolgarische Einfluss..., стр. 196; дополнительный материал см.: Doerfer, II, 519—524; И. Г. Добродомов, Дрофа — дудак. Этимологические заметки, «Русская речь», 1968, 4.

³³ См.: Р. Нахтигал, Славянские языки, М., 1963, стр. 145—146.

³⁴ См.: H. Menges, The Oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos «The Igor» Tale (Slovo o rŭyku Igorevě), New York, 1951, стр. 47—49.

ме» (соответствие $p \sim \dot{y}, \delta, m, z, \dot{z}$), уже сложилась традиция рассматривать раздельно примеры с реконструированным исходным $-\delta-$ и примеры с исходным сочетанием $-r\delta-$, что представляется не вполне правомерным, поскольку заднеязычные согласные в исходе слога на болгарской почве довольно рано утрачивались³⁵ и дентальный $-\delta-$ становился интервокальным и имел общую судьбу с исконным интервокальным $-\delta-$. Другие же тюркские языки значительно дольше сохраняли $-r-$ в этом положении, поэтому в сочетании с ним согласный $-\delta-$ имел иную судьбу, чем в интервокальной позиции. Следует, правда, учесть возможное влияние заместительной долготы предшествующего гласного на соноризацию $-\delta-$, но вопрос о влиянии долгот на развитие болгарско-чувацкого ротацизма пока еще не ставился. Возможно, архаичность фонетики (δ) в слове *кодман* объясняется так же.

Для хронологизации перехода $-\delta- > -\dot{z}- > -r-$ было бы чрезвычайно важным пересмотреть вопрос о происхождении севернославянского слова *буда*, *будка*, которое по традиции выводится из средневерхненемецкого *biode* «шалаш, палатка», хотя высказываются также предположения об обратном направлении заимствования³⁶. С этим восточнославянским строительным термином М. Ряснен связал поволжские названия сруба и закрома (чуващ., марийск. *пура*, татар., башк. *бура*), считая их результатом проявления лексически ограниченного чувашского ротацизма ($-\delta- > -r-$), распространенного вместе со словом путем заимствования³⁷. Правда, в «Опыте этимологического словаря тюркских языков» М. Ряснен отказался от этого сравнения в пользу не менее проблематичной связи с древнетюркским (по Махмуду Кашгарскому) *бурга-* «раскалывать, разрушать», *бугар-* «надрубать, делать зарубку» (ДТС, 120; Räsänen, EW, стр. 78: с огласовкой $-o-$) и якутским *буогара* «перехват (у трости); излучина (дороги)», «обшивка (у дверного порога, у камелька)».

Рассмотрение славянских данных с отражением развития болгарско-чувацкого ротацизма на разных этапах его развития также позволяет на собранном нами материале сделать вывод о том, что и здесь болгарские слова не обнаруживают следов палатализованности у рефлексов древнего $-\delta-$, если отвлечься от единственного случая в слове *курдюк*, для которого возможно также иное объяснение. Во всяком случае, отражение всех стадий развития болгарско-чувацкого ротацизма (в соответствии $p \sim \dot{y}, z, \dot{z}, \delta, m$) указывает на звонкость соответствующего согласного, почему никак нельзя согласиться с болгарской этимологией гидронимического названия *Битюг*³⁸ (от прилагательного со значением «рослый, высокий»: др.-тюрк. *bedük, bezük*; тув. *бедик* «высокий», хакас. *pözik* «высокий», кумык. *бийик* «высокий»; (?) якут. *bötöçkös, bödöçkös* «крупный, довольно взрослый»), ибо якутская фонетическая черта — оглушение $\delta > m$ — болгарскому языку не была свойственна.

В нашей статье еще раз подчеркивается общеизвестная, но на практике зачастую игнорируемая мысль о том, что заимствования из какого-либо языка в соседних языках представляют собой весьма ценный материал для истории этого языка. В рассмотренных случаях болгаризмы славянских языков позволяют по-новому осветить хронологию и историю ротацизма.

³⁵ $\dot{r}$ в сочетании $r\delta$, вероятно, следует объединять с заднеязычными в исходе слова, которые в речевой цепи фактически оказывались при соединении с аффиксами внутри слова, но традиционно рассматриваются как конечные. О судьбе болгарских заднеязычных в конечной позиции см.: A. Räsänen, On the Chuvash guttural stops in the final position, «Studia turcica», Budapest, 1971.

³⁶ V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého, Praha, 1971, стр. 61.

³⁷ M. Räsänen, Wortgeschichtliches zu den Sprachen der Wolga-Völker. I, «Finnisch-ugrische Forschungen», XXVI, 2—3, 1939—1940, стр. 131—133.

³⁸ Е. С. О т и н, Из этимологических исследований донской гидронимии, «Этимология. 1970», М., 1972, стр. 232—233.